

Научная статья
УДК 316.4
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-32-43

МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ЮГЕ РОССИИ: СУБЪЕКТНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Андрей Владимирович Бедрик¹, Анастасия Андреевна Зайцева²,
Юлия Сергеевна Панфилова^{3✉}, Елена Львовна Щукина⁴

^{1, 2, 3, 4}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹avbedrik@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-7549-4629,

AuthorID РИНЦ: 817604, Scopus AuthorID: 56809251600

²nas89043419793@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2923-0497,

AuthorID РИНЦ: 811880, Scopus AuthorID: 57195350584

³panfilovajulia@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-6010-9719,

AuthorID РИНЦ: 786441, Scopus AuthorID: 57195918443

⁴elshukina@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-0157-6867,

AuthorID РИНЦ: 486164, Scopus AuthorID: 57190442072

Аннотация. *Цель исследования* — оценить социальную эффективность деятельности молодежных общественных объединений, занимающихся реализацией приоритетных направлений государственной национальной политики и степень их субъектности. Для достижения поставленной цели был использован метод глубинных интервью с субъектами реализации национальной политики (20 информантов) и лидерами молодежных общественных объединений (30 информантов) в Крыму, Краснодарском крае и Ростовской области.

Методологическая база исследования включает рассмотрение социальной эффективности деятельности молодежных общественных объединений с точки зрения структурно-функционального подхода, с позиции социального конструктивизма, а понимание социальной субъектности — в контексте теории Вал. А. Лукова.

Результаты исследования. *Говоря о социальной эффективности деятельности молодежных общественных объединений, участвующих в реализации государственной национальной политики, необходимо разделить это понятие на широкий и узкий смысл. В широком смысле деятельность этих объединений эффективной назвать можно не всегда, в первую очередь потому, что в нее вовлечен достаточно узкий сегмент молодежи. Если же говорить о работе с целевыми выборками аудитории, то здесь их деятельность эффективна: они выступают регуляторами отношений между молодежью диаспор, популяризируют культуру этносов среди студентов, выступают агентами социальной адаптации молодых мигрантов, работают как медиаторы и каналы социальной мобильности. Что касается субъектности этих объединений, то сегодня она находится на достаточно высоком уровне: инициация их создания идет «снизу», они имеют развитую сеть партнерских отношений, иницируют инновационные социальные проекты. При этом оценки перспектив развития субъектности данных объединений среди экспертов разнятся: часть видит в них большой потенциал, часть отмечает препятствия в развитии субъектности, связанные с наличием у них большого спектра проблем.*

Перспективы исследования: разработка комплекса рекомендаций для повышения эффективности деятельности молодежных общественных объединений в сфере реализации приоритетных направлений государственной национальной политики.

Ключевые слова: молодежные общественные объединения, социальная эффективность, субъектность, гражданское общество, государственная национальная политика, гармонизация межэтнических отношений, сохранение этнокультурного многообразия

Для цитирования: Бедрик А. В., Зайцева А. А., Панфилова Ю. С., Щукина Е. Л. Молодежные общественные объединения в реализации государственной национальной политики на Юге России: субъектность и социальная эффективность // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 32–43. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-32-43>.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ, проект №21-011-31684 «Молодежные общественные объединения в реализации приоритетных направлений государственной национальной политики на Юге России».

Original article

YOUTH ASSOCIATIONS IN THE IMPLEMENTATION OF THE STATE NATIONAL POLICY IN THE SOUTH OF RUSSIA: SUBJECTIVITY AND SOCIAL EFFECTIVENESS

Andrey V. Bedrik¹, Anastasiya A. Zaytseva², Yulia S. Panfilova³✉, Elena L. Shchukina⁴

^{1, 2, 3, 4}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹avbedrik@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-7549-4629,

AuthorID RSCI: 817604, Scopus AuthorID: 56809251600

²nas89043419793@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2923-0497,

AuthorID RSCI: 811880, Scopus AuthorID: 57195350584

³panfilovajulia@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-6010-9719,

AuthorID RSCI: 786441, Scopus AuthorID: 57195918443

⁴elshukina@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-0157-6867,

AuthorID RSCI: 486164, Scopus AuthorID: 57190442072

Annotation. *The purpose of the study* — to assess the social effectiveness of the activities of youth voluntary associations involved in the implementation of priority areas of State national policy and the degree of their subjectivity. To achieve the goal, the method of in-depth interviews used with subjects implementing national policy (20 informants) and leaders of youth public associations (30 informants) in Crimea, the Krasnodar Territory and the Rostov Region.

The methodological basis of the study includes a consideration of the social effectiveness of the activities of youth public associations from the point of view of a structural and functional approach, from the point of view of social constructivism, and an understanding of social subjectivity in the context of the theory of Val. A. Lukov.

Results of the study. Speaking about the social effectiveness of the activities of youth public associations participating in the implementation of state national policy, it is necessary to divide this concept into a wide and narrow meaning. In a broad sense, the activities of these associations cannot always be called effective, primarily because a rather narrow segment of youth is involved

in it. If we talk about working with targeted samples of the audience, then their activities are effective here: they act as regulators of relations between diaspora youth, popularize the culture of ethnic groups among students, act as agents of social adaptation of young migrants, work as mediators and channels of social mobility. As for the subjectivity of these associations, today it is at a fairly high level: the initiation of their creation is «from below», they have a developed network of partnerships, and initiate innovative social projects. At the same time, estimates of the prospects for the development of the subjectivity of these associations vary among experts: some see great potential in them, some note obstacles in the development of subjectivity associated with the presence of a large range of problems.

The prospects of the study are the development of a set of recommendations to increase the effectiveness of the activities of youth public associations in the implementation of priority areas of State national policy.

Keywords: youth social associations, social effectiveness, subjectivity, civil society, state national policy, harmonization of inter-ethnic relations, preservation of ethnocultural diversity

For citation: Bedrik A. V., Zaytseva A. A., Panfilova Yu. S., Shchukina E. L. Youth associations in the implementation of the state national policy in the South of Russia: subjectivity and social effectiveness // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 32–43. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-32-43>.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR, project №21-011-31684 «Youth public associations in the implementation of the priorities of the state national policy in the South of Russia».

Постановка проблемы. Межэтническая консолидация и сохранение культур народов нашей страны — важнейшие направления государственной национальной политики Российской Федерации¹. В ее реализации сегодня участвует широкий круг субъектов, в том числе и институты гражданского общества [2]. В поликультурных регионах, к числу которых относится Юг России, одним из таких субъектов являются молодежные общественные объединения [1; 3].

На предварительном этапе настоящего исследования коллективом ученых, осуществляющих проект «Молодежные общественные объединения в реализации приоритетных направлений государственной национальной политики на Юге России», был составлен реестр молодежных общественных объединений, которые исполняют те или иные направления государственной национальной политики в Ростовской области, Республике Крым и Краснодарском крае. Мы увидели, что их

перечень достаточно широк. В связи с этим у нас возникли вопросы: какова степень их субъектности и могут ли они действительно влиять на состояние межэтнических отношений в регионах.

В рамках настоящего исследования мы решили посмотреть на молодежные общественные объединения, участвующие в реализации государственной национальной политики, с двух ракурсов: с точки зрения других субъектов политики этого направления (органов государственной власти, местного самоуправления, институтов образования, СМИ) и с точки зрения лидеров самих молодежных объединений. Эта двойственность анализа поможет нам более полно оценить эффективность деятельности и перспективы развития субъектности последних.

Методология исследования. Социальная эффективность деятельности молодежных общественных объединений в сфе-

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. №1666) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/> (дата обращения: 8.09.2021).

ре реализации приоритетных направлений государственной национальной политики анализируется с точки зрения структурно-функционального подхода и понимается как возможность влиять на реальное состояние межэтнических отношений и охватывать целевую аудиторию [5–7]. Социальная субъектность в работе определяется в контексте теории Вал. А. Лукова [4] как способность общественных объединений выступать в качестве активного начала, инициировать конструктивные социальные практики, быть независимыми от других субъектов реализации государственной национальной политики.

Эмпирическая база и методика исследования. Для реализации поставленной задачи был использован метод глубинных интервью с субъектами реализации национальной политики (20 информантов) и лидерами молодежных общественных объединений (30 информантов) в Крыму, Краснодарском крае и Ростовской области. Несмотря на разный социально-профессиональный статус информантов, гайды интервью имели похожие блоки: оценка степени заинтересованности молодежи в участии в социально-политической жизни региона, доступных ей способов этого участия; оценка степени субъектности и автономности от государства; практики сотрудничества с государством и другими субъектами реализации государственной национальной политики; оценка эффективности деятельности молодежных общественных объединений региона; оценка востребованности деятельности у целевой аудитории; проблемы в реализации их деятельности. В настоящей работе мы постарались представить наиболее яркие цитаты, иллюстрирующие те или иные тезисы. Высказывания информантов выделены курсивом.

Результаты исследования. Прежде всего, мы попросили информантов оценить степень заинтересованности молодежи региона в решении его проблем, участии в общественной жизни. Здесь интересно отметить, что и управленцы, и лидеры объединений сошлись во мнении: инструменты для такого участия есть, но молодежь в своем большинстве сегодня остается достаточно пассивной. Пример высказывания: *«В целом, конечно,*

молодежь сегодня имеет возможности и для взаимодействия с властью, и для участия в решении многих вопросов. Но, опять-таки, это не сама молодежь, а группа активной молодежи, которая входит либо в какие-то объединения, либо в волонтерские организации. И есть молодежь пассивная, которая ничем не интересуется... По соотношению, я не могу утверждать точно, но на мой взгляд, количество активной молодежи в разы меньше. ... Было бы желание, возможностей достаточно» (женщина, руководитель отдела по регуляции межэтнических отношений администрации города).

По целям и характеру деятельности молодежные общественные объединения в регионах можно разделить на три основные группы. Первая — объединения, нацеленные на воспроизводство культурной идентичности среди представителей своего этноса. Это, конечно же, не значит, что они полностью закрыты от взаимодействия с другими этнокультурными объединениями; но, тем не менее, характер их проектов в основном направлен на «своих»: *«Я, в принципе, разделяю то, что написано в уставе, то есть поддержание армянской идентичности, знание своей культуры, своих ценностей, со всеми вытекающими»* (мужчина, лидер объединения молодых представителей армянского этноса столицы субъекта).

Вторая группа — объединения, чья деятельность направлена преимущественно на популяризацию этнической культуры среди всех жителей региона (города): *«Все равно мы исполняем основную цель — гармонизировать через популяризацию нашей культуры, сформировать толерантное отношение к евреям и еврейскому населению»* (женщина, лидер объединения молодых представителей еврейского этноса столицы субъекта); *«Во-первых, это гармонизация межэтнических отношений, чтобы вообще знали, сколько народов живет у нас. ... Самая главная миссия — это диалог культур, чтобы было какое-то общение»* (женщина, лидер молодежного отделения польской национальной автономии региона).

Третья группа — объединения, основная цель которых — помощь в адаптации вновь прибывших в Россию представителей этнической группы: *«Я возглавляю женский коми-*

тет в нашей диаспоре. Мы проводим различные мероприятия в городе, по области, если нас приглашают. Занимаюсь более четырех лет благотворительностью, помогаю людям. Мы очень многих больных людей поддерживали; помогали в приобретении жилья женщинам одиноким, которые остались на улице; когда многие наши земляки здесь скончались, «Груз-200» мы отправляли на родину» (женщина, руководитель комитета таджикской диаспоры). Это разделение важно в том смысле, что группы объединений будут различаться в применении практик гармонизации межэтнических отношений и сохранения этнических культур, а также в отношении практик взаимодействия с государством [1].

Степень субъектности молодежных общественных объединений также несколько отличается. Первое, о чем хотелось бы сказать, — как утверждают представители органов государственной власти и муниципального управления — подобные объединения не создаются по инициативе государства: «Мы пытались инициировать создание молодежного отделения консультационного совета [по межэтническим отношениям]. У нас ничего не получилось. Не хотят они, когда сверху» (женщина, представитель правительства региона). Инициатива в этом случае, как правило, исходит от диаспор, и в этом смысле мы можем рассматривать молодежные общественные объединения, занимающиеся реализацией национальной политики, как институты гражданского общества. Второй важный момент — представители органов власти отмечают высокую способность таких объединений к самоорганизации.

Инициация деятельности этих объединений происходит следующими путями. Первый — объединение создается в рамках этнокультурной общины: «Мы является молодежным крылом нахичеванской общины» (мужчина, лидер объединения молодых представителей армянского этноса столицы субъекта). Эти объединения получают основную материальную поддержку от лидеров общины, дополнительную — в форме грантов по итогам разных конкурсов. Представители объединений такого типа зачастую признают высокую роль руководства этнокультурного объединения в инициации проектов и новых направлений: «В основном сейчас это все де-

ржится на руководителях организации, т. е. все-таки не на молодежи. Да, безусловно, мы являемся активными представителями, но я понимаю сейчас, что, если я окажусь одна, просто открою свое молодежное движение, молодежный клуб, я не смогу гранты привлечь, потому что я буду физ. лицом, ну то есть это максимум «Росмолодежь», все. Все-таки для НКО больше возможностей, больше поддержки. Плюс все равно у нас нет таких связей, партнерских отношений, у нас нет пока что возможности выходить на уровень именно власти. А например, руководители НКО входят в члены консультативного совета [по межнациональным отношениям]» (женщина, лидер объединения молодых представителей еврейского этноса столицы субъекта).

Второй тип — выделение молодежного общественного объединения этнокультурной общины в самостоятельный субъект деятельности. Такие объединения существуют уже достаточно долго, имеют собственных партнеров, активно участвуют в грантовых конкурсах и становятся в определенной степени автономными по отношению к общине в целом: «У нас внутри организации отдельные направления — молодежное и общенациональное. Мы почему разделили — потому что сейчас больше ориентиров, больше программ и проектов именно молодежных. И мы выделили отдельный бренд» (женщина, лидер молодежного отделения польской национальной автономии региона).

Третий тип — молодежные объединения, которые работают в тесной связке с консульствами, получают от них различного рода поддержку, в первую очередь для помощи в адаптации представителей своего этноса в России: «Посольство в курсе, с нами работает. Я даже выхожу на связь. Консульство ближайшее в Краснодаре тоже работает, непосредственно Таджикистан тоже работает. Часто еще работаю с комитетом молодежи и спорта при нашем правительстве» (мужчина, руководитель объединения молодых представителей таджикского этноса в регионе).

Таким образом, назвать молодежные общественные объединения, реализующие государственную национальную политику, полностью автономными сегодня пока нельзя

(а по характеру деятельности, как отмечают представители органов государственной власти, их полное отделение от этнокультурных общин вряд ли возможно).

Несмотря на отличающийся характер деятельности и организации, практики сотрудничества с другими субъектами реализации государственной национальной политики у молодежных объединений аналогичны.

По поводу СМИ лидеры объединений высказывались похожим образом — они либо освещают мероприятия по собственной инициативе: *«Нет, через СМИ мы особо не работаем, СМИ сами решают, когда о нас говорить, когда не говорить»* (женщина, лидер молодежного объединения представителей азербайджанского этноса региона), либо к ним можно обратиться через органы государственной власти и муниципального управления: *«СМИ тоже на некоторые наши мероприятия из проектов приходят [название регионального канала] по приглашению правительства региона, то есть правительство предоставляет нам информационное обеспечение. Как это происходит? Мы пишем в организации им письмо о том, что, допустим, при поддержке президентского культурного фонда инициатив такого-то числа состоится открытие проекта, просим вас обеспечить нам информационное обеспечение, привлечь телеканал [название регионального канала]. Тогда они присылают представителей, снимают сюжет, который потом можно найти на их сайте»* (женщина, лидер молодежного объединения представителей еврейского этноса в регионе). В одном из интервью информант, представляющий региональный телевизионный канал, отметил, что сегодня в эфире отсутствуют регулярные передачи, цель которых — освещение деятельности этнокультурных объединений. Об этом упущении говорят и представители городской администрации: *«На мой взгляд, СМИ сейчас нам не помощники [в реализации государственной национальной политики]. Соответствующего регионального контента мало. Создание резонанса вокруг этнических конфликтов гораздо больше»* (мужчина, сотрудник отдела по регуляции межэтнических отношений городской администрации). Сотрудничество с органами федеральной власти происходит через сис-

тему грантовой поддержки, которой представители многих молодежных объединений достаточно активно пользуются. Это могут быть гранты на проведение мероприятий, создание музейных фондов, долгосрочные проекты. В то же время, говоря о подобной форме сотрудничества, некоторые лидеры молодежных объединений отмечают разовый характер такой помощи потому, что получать гранты многократно достаточно трудно в силу высокой конкуренции и растущих требований к заявкам: *«Еще одна проблема — нехватка компетенций, т. е. много вопросов, которые мы не можем охватить или работать в этом направлении, потому что у нас просто не хватает компетенций. Допустим, мы хотим получить грант, но нужен человек, который понимает в этом и может грамотно написать заявку. Не всегда это у нас получается, но мы учимся»* (мужчина, лидер объединения молодых представителей армянского этноса столицы субъекта). Готовность помочь высказывают сотрудники городской администрации, ответственные за национальную политику, однако пока сотрудничество такого рода не стало широкой практикой.

Сотрудничество с региональной властью и органами местного самоуправления также сложилось. Вот что об этом рассказывает информант из администрации столицы субъекта: *«Интервьюер: “С какими вопросами, за какой помощью могут обратиться к вам представители этих молодежных объединений?” Информант: “Первое — они могут обратиться к нам за помощью в предоставлении помещений. Конечно, у нас своих помещений нет, но мы можем помочь, договориться на безвозмездной основе. ... Информационная поддержка — прежде всего через наш сайт, либо у нас в соц. сетях. Других возможностей у нас нет по полномочиям, например, через телевидение, это только правительство региона. ... Мы можем помочь с организацией, кого-то привлечь, что-то подсказать, как оформить, как распланировать то или иное мероприятие. ... Очень важно для них, что их работа не остается незамеченной администрацией. Тут мы тоже стараемся организовать”»* (женщина, сотрудник отдела по регуляции межэтнических отношений городской администрации).

Между тем некоторые лидеры молодежных объединений оценивают эти формы поддержки как недостаточные. Основная критика при этом сводится к отсутствию финансирования сферы этнокультурной политики со стороны муниципалитетов. Примеры высказываний: *«Честно говоря, финансируется культурная сфера не очень, не согласованно, ни тем более из городского бюджета»* (женщина, участник объединения молодежи узбекского этноса столицы субъекта); *«Нет поддержки администрации, помимо денег, именно поддержки, потому что есть разница — когда ты приходишь с улицы или когда там кто-нибудь из администрации за тебя молвит слово, это другое. Если бы люди были более информированы, чтобы нас анонсировали, заинтересовались нами на административном уровне...»* (женщина, лидер молодежного отделения польской национальной автономии региона). Таким образом, в этом направлении развитие сотрудничества требует диалога.

Отвечая на вопрос о партнерах, лидеры общественных объединений чаще всего называют вузы, библиотеки и другие диаспоры. Именно практики сотрудничества с ними называются как самые конструктивные и активные. Причем информантами назывались как региональные (вузы, региональные библиотеки, коворкинги, частные кинозалы), так и федеральные партнеры (Сириус, Сколково и др.). Что касается сотрудничества с другими диаспорами, то здесь чаще других упоминаются те, с кем есть общие культурные корни. Пример высказывания: *«Да тот же Новруз могу привести в пример, потому что этот Новруз празднуем не только мы, но и киргизы, казахи, азербайджанцы, турки... Ну, турки персидские, афганцы те же. Страны еще... Узбекистан, Азербайджан был, Сирия была, африканская одна страна была... Праздники, скажем, почти одинаковые, мы иногда проводим вместе»* (мужчина, руководитель объединения молодых представителей таджикского этноса в регионе).

Интересно отметить, что бизнес как партнер упоминается только в контексте поддержки от лидеров диаспор.

Таким образом, количество партнеров молодежных общественных объединений, занимающихся реализацией государственной

национальной политики, достаточно широкое (и это еще раз говорит нам об их субъектности), хотя и потенциал для развития практик сотрудничества еще велик.

Следующей задачей нашего исследования стала оценка социальной эффективности деятельности молодежных общественных объединений в реализации политики укрепления межэтнического согласия и сохранения культуры этносов.

Социальная эффективность деятельности изучаемых молодежных объединений оценивалась по следующим параметрам: оценка результатов деятельности в решении проблем по укреплению межэтнических отношений и сохранению этнических культур, степень охвата целевой аудитории, наличие обратной связи от аудитории [7; 8].

По первому параметру и сами представители молодежных объединений, и другие субъекты реализации государственной национальной политики говорят о высокой степени эффективности деятельности. Анализируя нарративы, можно отметить, что вклад объединений заключается в налаживании межкультурного диалога (в том числе и с местным населением), снижении латентной напряженности в межэтническом молодежном взаимодействии, привлечении внимания государства и общества к проблемам этнических меньшинств, публичном освещении истории этносов, создании и поддержке музейных фондов, адаптации мигрантов, помощи в социальной мобильности и многом другом. Конструктивные практики отмечает почти каждый информант. Приведем наиболее характерные высказывания: *«Сегодня эти объединения — наши помощники. Это видно, особенно когда начинаешь подводить итоги года. Во многих регионах не делается и половины того, что делают наши общественные организации, хотя наш регион далеко не самый проблемный в плане межэтнических отношений. На мой взгляд, именно молодежные крылья иницируют большинство проектов, которые потом подхватывают “взрослые” организации и реализуют на межрегиональном и общероссийском уровнях. Это важно. Это не просто попытки наладить взаимодействие, это способы решения конфликтов снижения скрытой напряженности»* (мужчина, представитель регионального

правительства); *«Предоставляет право, даже не право, а возможность вести какую-то свою деятельность. Я считаю, это прекрасно, поскольку все остальное зависит от конкретных людей с конкретными идеями. Нам дано поле, мы сами решаем, что на нем сажать, как это взрастить и что с этого получить»* (мужчина, лидер объединения молодых армян региона); *«Я скажу, что до того, как я не работал, я не знал, что представители всех общин, официально зарегистрированных культурных национальных автономий, в таких теплых отношениях между собой. ... В целом люди двадцати разных национальностей могут сесть за один стол и проводить там мероприятия, т.е. это прям уровень, это реально уровень»* (мужчина, представитель объединения молодых корейцев города). Косвенное представление об эффективности используемых социальных технологий дают рассказы информантов о конкретных практиках гармонизации межэтнических отношений и сохранения этнических культур. Формат научной статьи не позволяет проанализировать подробно весь их спектр, однако стоит отметить, что эти практики начинаются с образовательных проектов и заканчиваются проектами в области международной мобильности, профессионального самоопределения и многого другого. Более того, значительная часть этих проектов имеет межрегиональный и международный характер.

В то же время по следующим критериям, связанным с охватом целевой аудитории и получением от нее обратной связи, дело обстоит менее однозначно. И представители органов власти, ответственных за реализацию национальной политики, и сами члены общественных объединений отмечают, что их деятельность охватывает только активную часть молодежи регионов, которая составляет меньшинство в общем массиве когорты: *«Я так понимаю, это не только наша проблема — молодежь вообще слабо интересуется всем этим, их интересует что-то более быстрое»* (мужчина, представитель молодежного объединения студентов из Китая регионального вуза); *«Если говорить откровенно, мне кажется, сложно, потому что не всем это важно»* (женщина, лидер азербайджанского этнокультурного объеди-

нения). Как результат — некоторые объединения переориентируют свою деятельность на представителей молодежи своего этноса. В этом случае и охват целевой аудитории выше, и обратная связь идет активнее. В то же время нельзя не сказать о том, что некоторые лидеры объединений, наоборот, подчеркивали, что проблем с привлечением аудитории нет: *«У нас есть и театральная студия внутри организации, и танцевальные коллективы, и не только поляки там участвуют, абсолютно нет. И дети сами, сами приходят, никто никого не заставляет. ... Вот у нас только в прошлые выходные был спектакль “Мораль Пани Дульской”, сами записывались и костюмы сами шили»* (женщина, лидер молодежного отделения польской национальной автономии региона). Но, надо признать, что в общем массиве мнений это скорее исключение, чем правило. Таким образом, если оценивать социальную эффективность деятельности молодежных объединений по данному критерию, то следует разграничивать понятие аудитории в узком и широком смыслах.

Еще один важный момент — это возрастной состав целевой аудитории. Большинство информантов отмечает, что основной ее массив составляют студенты вузов (в силу характера занятости студентов и развитости каналов коммуникации объединений с вузами). Несколько труднее работать со школьниками, хотя ряд позитивных практик есть и в этом направлении. Работающая же молодежь практически «вымывается» из состава целевой аудитории. Пример высказывания: *«Интервьюер: “Основная ваша аудитория — это студенты из Таджикистана?”. Информант: “Да, студенты, потому что тех, кто приезжает работать, мы можем приглашать, что и было на практике, но к участию привлечь их тяжело будет, потому что они приехали реально работать, зарабатывать, т.е. им некогда этим заниматься”*» (мужчина, лидер объединения молодых представителей таджикского этноса в регионе).

Проблема охвата целевой аудитории — лишь одна из спектра тех, с которыми сегодня сталкиваются молодежные общественные объединения. Многие информанты, получающие поддержку от диаспор, тем не менее, говорят о необходимости разработки более

разнообразных форм помощи со стороны государства и особенно региона: «Почему может не получаться? Отчасти из-за ограничения по финансам. У нас есть какие-то идеи, которые мы хотели бы реализовать, и было бы проще, если бы у нас было достаточно денег на это» (мужчина, лидер объединения молодых греков региональной столицы). Есть проблемы и с грантовым обеспечением: «Интервьюер: “Вы в грантовых заявках не закладываете какие-то, например зарплатные, расходы для организаторов?”. Информант: “Я скажу так: их можно заложить, но такие заявки зачастую не выигрывают, потому что считается, что если ты подаешь заявку от организации, то организация сама и должна платить тебе зарплату”» (женщина, лидер молодежного объединения представителей еврейского этноса в регионе).

Еще одна проблема, отмечаемая самими лидерами объединений, — недостаток компетенций. Отсюда — запрос к государству на предоставление возможности их повышения: «Мне кажется, школа лидеров есть там... Как там называется программа? “Лидеры России” — да, это именно для лидеров, управленцев будущих. Вот если бы, допустим, особо выделить направления в межнаце, потому что на самом деле есть тонкости. Если бы этому обучали, не каким-то азам, а с погружением... Мне кажется, было бы здорово, если бы обратили на это внимание» (мужчина, лидер объединения молодых представителей армянского этноса в регионе).

Следующая проблема — нехватка добровольцев — актуальна для подавляющего большинства объединений: «Проблема — в нехватке кадров, именно добровольцев. Понятно, что ребята хотят всегда получать какой-то профит взамен. Когда его нет, они теряют интерес» (женщина, лидер объединения молодых представителей азербайджанского этноса в регионе).

В некоторых из обследуемых регионов актуальной остается проблема отсутствия помещения, так называемого дома национальностей, что, по признанию активистов, существенно затрудняет их работу: «Это в частности касается дома национальностей, дома дружбы. Когда встал вопрос: пре-

доставьте нам площадку, чтобы мы могли репетировать, могли встречаться, могли общаться, могли проводить проекты, к сожалению, нам отказали, сказали, у вас есть региональный дом народного творчества и все. А областной дом народного творчества просто так никого не пустит» (женщина, лидер молодежного объединения представителей еврейского этноса в регионе).

Еще один момент, на который важно обратить внимание: необходимость зарабатывать часто становится причиной, по которой молодые люди перестают активно работать в рамках объединения. По их признанию, эта проблема решилась бы в случае получения возможности платить заработную плату «костяку» объединения: «Я бы очень хотела, чтобы была организация, именно организация, официально где-то зарегистрированная, чтобы этим людям платили зарплату, чтобы эти люди свое дело делали, как по культурной части, так и по юридической... Если бы такая организация была, я с удовольствием пошла бы туда работать, потому что с каждым днем все больше и больше нуждаются в нашей помощи» (женщина, руководитель комитета таджикской диаспоры).

По мнению представителей органов государственной власти и вузов, в ближайшие годы практики сотрудничества с подобными объединениями будут расширяться, что, безусловно, требует внимания к тем проблемам, с которыми они столкнулись.

Выводы. Подводя итог, хотелось бы обратить внимание на следующие моменты.

1. Говоря о социальной эффективности деятельности молодежных общественных объединений, участвующих в реализации государственной национальной политики, необходимо разделить это понятие на широкий и узкий смысл. В широком смысле деятельность этих объединений эффективной назвать можно не всегда, в первую очередь потому, что в нее сегодня вовлечен достаточно узкий сегмент молодежи. Об этом говорят как сами лидеры объединений, так и другие субъекты рассматриваемого направления политики. Данная ситуация типична для всех обследуемых регионов. Типична она, как отмечают представители органов власти и вузов, и для других направлений молодежной

политики. Если же говорить о работе молодежных объединений с целевыми выборками аудитории, то здесь мы можем сделать вывод, что их деятельность эффективна: они выступают регуляторами отношений между молодежью диаспор, популяризируют культуру этносов среди студенческой молодежи, выступают агентами социальной адаптации молодых мигрантов, часто работают как медиаторы и каналы социальной мобильности. Другими субъектами реализации приоритетных направлений государственной национальной политики их вклад в общее дело оценивается высоко.

2. По итогам исследования хотелось бы отметить достаточно высокий уровень субъектности подобных объединений. Инициация их создания сегодня идет «снизу», в этом смысле их можно назвать полноценными институтами гражданского общества. По отношению к государству они выступают партнерами. Они имеют развитую сеть партнерских отношений с вузами, региональными правительствами, местным самоуправлением, библиотеками и т.д. Важно отметить, что бизнес входит в число партнеров только в случае его связи с диаспорой, таким образом, это направление сотрудничества остается перспективным.

Сегодня молодежные объединения иницируют широкий ряд инновационных социальных практик гармонизации межэтнических отношений и сохранения этнических культур. Узвимым моментом является связь степени субъектности и финансовых возможностей, о которой так или иначе говорят почти все лидеры объединений. Оценки перспектив развития субъектности данных объединений среди экспертов разнятся: часть видит в них большой потенциал, часть отмечает препятствия в развитии субъектности, связанные с наличием достаточно большого спектра проблем. В то же время субъекты реализации национальной политики Юга России однозначно говорят о том, что в ближайшие годы практики сотрудничества с молодежными объединениями будут только усиливаться.

Список источников

1. Бедрик А.В., Сериков А.В. Крупный южнороссийский город как среда межэтни-

ческого взаимодействия (на примере г. Ростова-на-Дону) // Социально-гуманитарные знания. 2016. №11. С. 123–131.

2. Воденко К.В., Лубский А.В., Войтенко В.П. Институциональные практики межрелигиозного взаимодействия и укрепление общероссийской идентичности на Юге России // Социально-гуманитарные знания. 2018. №11. С. 42–52.

3. Лубский А.В., Вагина В.О., Мамина Д.А. Молодежная политика и гражданские практики в молодежной среде в современной России // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. №6. С. 171–187.

4. Луков В.А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012. 528 с.

5. Лысенко Г.В. Общественные организации как субъекты гражданского общества // Философия права. 2011. №4. С. 82–86.

6. Попова С.Ю. Молодежные организации как субъект политики // Русская политология. 2020. №1(14). С. 36–42.

7. Родина О.А. Молодежные общественные объединения в современной России: социологический анализ эффективности: автореф. дисс. канд. соц. наук. Екатеринбург, 2006.

8. Серегин А.Н. Социальная эффективность управления формированием социальной активности студенческой молодежи вузов России // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. №4(20). С. 62–66.

References

1. Bedrik A. V., Serikov A. V. Krupnyj juzh-norossijskij gorod kak sreda mezhetnicheskogo vzaimodejstvija (na primere g. Rostova-na-Donu) [A large Southern Russian city as an environment of interethnic interaction (on the example of Rostov-on-Don)]. *Social'no-gumanitarnye znanija* [Socio-humanitarian knowledge]. 2016; (11): 123–131. (In Russ.).

2. Vodenko K. V., Lubskij A. V., Vojtenko V. P. Institucional'nye praktiki mezhreligioznogo vzaimodejstvija i ukreplenie obshherossijskoj identichnosti na Juge Rossii [Institutional practices of interreligious interaction and strengthening of all-Russian identity in the South of Russia]. *Social'no-gumanitarnye znanija* [Socio-humanitarian knowledge]. 2018; (11): 42–52. (In Russ.).

3. Lubskij A. V., Vagina V. O., Mamina D. A. Molodezhnaja politika i grazhdanskije praktiki v molodezhnoj srede v sovremennoj Rossii [Youth policy and civic practices in the youth environment in modern Russia]. *Gumanitarnij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2019; 8(6): 171–187. (In Russ.).

4. Lukov V. A. Teorii molodezhi: Mezhdisciplinarnyj analiz [Theories of youth: Interdisciplinary analysis]. Moscow: Kanon+, ROOI «Reabilitacija», 2012. 528 p. (In Russ.).

5. Lysenko G. V. Obshhestvennye organizacii kak sub'ekty grazhdanskogo obshhestva [Public organizations as subjects of civil society]. *Filosofija prava* [Philosophy of Law]. 2011; (4): 82–86. (In Russ.).

6. Popova S. Ju. Molodezhnye organizacii kak sub'ekt politiki [Youth organizations as a subject of politics]. *Russkaja politologija* [Rus-

sian Political Science]. 2020; 1(14): 36–42. (In Russ.).

7. Rodina O. A. Molodezhnye obshhestvennye ob'edinenija v sovremennoj Rossii: sociologicheskij analiz jeffektivnosti: avtoref. diss. kand. soc. nauk [Youth public associations in modern Russia: sociological analysis of effectiveness: Ph. D. (Sociology) Thesis]. Ekaterinburg, 2006. (In Russ.).

8. Seregin A. N. Social'naja jeffektivnost' upravlenija formirovanijem social'noj aktivnosti studencheskoj molodezhi vuzov Rossii [Social efficiency of management of formation of social activity of students of higher education institutions of Russia]. *Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura* [Ethnosocium and interethnic culture]. 2009; 4(20): 62–66. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 14.12.2021; одобрена после рецензирования 17.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted on 14.12.2021; approved after reviewing on 17.12.2021; accepted for publication on 20.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бедрик Андрей Владимирович — кандидат социологических наук, доцент Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Andrey V. Bedrik — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Зайцева Анастасия Андреевна — стажер-исследователь Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Anastasiya A. Zaytseva — Trainee Researcher, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Панфилова Юлия Сергеевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Yulia S. Panfilova — Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Щукина Елена Львовна — кандидат исторических наук, доцент Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Elena L. Shchukina — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Бедрик А. В. — методологический конструкт статьи; концептуализация выводов.

Зайцева А. А. — блоки о социальной эффективности.

Панфилова Ю. С. — блок о социальной субъектности.

Щукина Е. Л. — блок о проблемах.

Contribution of authors:

Bedrik A. V. — methodological construct of the article; conceptualization of conclusions.

Zaytseva A. A. — blocks on social efficiency.

Panfilova Yu. S. — a block on social subjectivity.

Shchukina E. L. — a block about problems.